

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ
ОБЪЕДИНЕНИЕ

Рекламно-художественно-публицистический ежемесячник

Культура

Цена 25 коп.

Впервые в нашей стране
в издательстве «Культура»

вышел широко известный зарубежному русскому читателю
роман Юрия Дружникова

«Ангелы на кончике иглы»

Юрий Дружников
десять лет (1977-1987)
преследовался властями и
был лишен возможности печататься и
выступать в своей стране.
С 1988 года живет в Девисе, США.
Почетный член ПЕН-КЛУБА.
Профессор Калифорнийского университета.

КГБ, партия, политбюро
и связанные с ними мафиозные структуры -
основные действующие лица романа.
Все описанное Ю. Дружниковым
относится не только к истории,
но и к сегодняшнему дню,
на который лучше смотреть
не через розовые очки, и роман этому
очень помогает.

Дружников Ю. АНГЕЛЫ
НА КОНЧИКЕ ИГЛЫ — М.: Изда-
тельское объединение «Культура»
1991 (ПУ кв.) — 26 л. (В пер.);
21 руб. 150 000 экз.

МИФ:

ОБРАЗЕЦ
НОВОГО
ЧЕЛОВЕКА

СЛОВО

Игнатий

СОВЕСТЬ

ДУХОВНОЕ

Брянчанинов

НЕ СПЕШИТЕ
ХОРОНИТЬ
НАС,
МИСТЕР ИКС

НОВОЕ РУССКОЕ
СЛОВО
•
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА
•
ЗАОЧНЫЙ
ДИАЛОГ

ТАК КТО ЖЕ ОН • ЧЕЛОВЕК ?

В ИНТЕРЕСАХ ГОРОДА

Издательское объединение «Культура» предложило проект реставрации парковой зоны в г. Пушкино, в осуществление которого оно намерено вложить 12 миллионов рублей. К сожалению, официального ответа от властей города по поводу данного проекта еще не поступило, не состоялось пока и само обсуждение проекта в здании на Московском проспекте. Вместе с тем объединение переходит от слов к делу: в летнем кинотеатре, взятом объединением в аренду, приступают к первому этапу реставрации — разработке проекта. Об этом информация главного архитектора объединения В.М. ЧЕРНОНОГА:

Итак, объединение «Культура», несмотря на все трудности и превратности жизни, приступает к реализации части своей программы по созданию культурно-просветительского центра в Пуш-

кино — разработке проекта реставрации и частичной реконструкции летнего кинотеатра в центральной части городского парка. Много лет изыскивались средства на реставрацию этого сооружения, являющегося достопримечательностью города. Шло время, здание ветшало и стало, наконец, таким, каким его и видим сейчас.

Здание будет восстановлено, возвращено пушкинцам как одно из лучших мест в городе для отдыха. К работе привлечены квалифицированные кадры промышленно-торгового предприятия «Зодчий», учредителем которого также является объединение «Культура».

Главная сложность в реконструкции здания (кино-концертный зал) — перевод его на круглогодичную эксплуатацию. Это повлечет за собой размещение в пределах существующего объема вестибюля, гардероба и других

помещений. Будет проработан вариант размещения небольшого кафе во вновь организуемом пространстве ниже уровня пола зрительного зала.

Реализация всех идей и предложений не должна серьезно повлиять на архитектурный облик здания. Напротив, более тактично планируется «вписать» в здание кинобудку, восстановить вход со стороны главного фасада, восстановить утраченный декоративный узор и пр.

Пусть по прошествии отпущенного на реставрацию времени вновь в полный голос заговорит архитектура этого здания — как это было в памятный 1896 год, в день завершения его строительства.

Объединение планирует начало реставрационных работ в 1992 году.

Проектное решение будет представлено на рассмотрение общественности города.

РЕСТАВРАЦИЯ ЛЕТНЕГО КИНОТЕАТРА

К НАМ В ГОСТИ

Господин Ким Хон-джун представляет в Москве национальную корпорацию туризма Кореи. Его очень заинтересовало предложение организовать встречу представителей корпорации с ассоциацией деятелей культуры и науки Подмоскovie. Местом проведения встречи выбран Пушкино, инициатор встречи и ее спонсор — издательское объединение «Культура». Господин Ким Хон-джун со своей стороны обещает интересную программу встречи.

Немного неясно, но, согласитесь, заманчиво!

РАЗВОРАЧИВАЯСЬ В МАРШЕ

Промышленные предприятия сегодня идут и будут идти все быстрее к рынку, разворачиваясь в марше, к различным формам собственности. Так, один из учредителей издательского объединения «Культура» — Мамонтовское производственное объединение искусственных кож — становится акционерным предприятием.

Наш корреспондент С. БРАТУХИН попросил прокомментировать это событие начальника отдела труда и заработной платы Валентину Иванову ВОЛКОВУ:

— В связи с этим перед нашим коллективом возник ряд новых, не встречавшихся ранее проблем, связанных с совершенствованием хозрасчета, оплаты труда, увеличением объема производства, обновлением ассортимента.

Предприятие заявило о себе выпуском новой качественной продукции из пленки различного назначения: сигнальной (для обозначения обочин автострад в целях безопасности движения), изоляционной (для всевозможных нужд электронизации) и скатерных (для изготовления самых модных сегодня столовых клеенок без матерчатой основы).

В цехе прокладочных и дублированных материалов, ранее работавшем в основном для швейной и обувной промышленности, начали выполнять заказы автомобилестроителей АЗЛК, ГАЗа, КамАЗа...

И еще: если до недавнего времени объединение «Искож» соответствовало своему назначению лишь отчасти, ибо искусственная кожа

выпускалась лишь в иногороднем филиале, то в эти дни налаживается ее производство и на головном предприятии.

Результат всех этих новшеств — ощутимое получение сверхплановой прибыли, которая пошла и на возобновившееся строительство, и на нужды социальбыта. И вот какая еще общая закономерность просматривается во многообразии продукции авторитетного объединения: вся она работает на культуру во многих ее разновидностях: культуру быта, производства, дизайна одежды и культуру... духовную. Сегодня своими книгами издательское объединение «Культура» во многом обязано трудолюбивому коллективу мамонтовцев: это в результате их труда — переплетный материал — одеваются наши книги. Успехов вам, друзья, и нам вместе с вами.

Издательское объединение «Культура» вместе с Пушкинским районным отделом внутренних дел выступили спонсорами турнира памяти Б.К. Домбровского. Соревнования проходили на спортивной базе ОВД в г. Пушкино.

Турнир памяти Б.К. Домбровского стал в районе традиционным. Однако на этот раз его рамки были расширены: помимо команд из г. Пушкино и г. Ивантеевки в соревнованиях участвовали сборные ЦСКА, «Динамо» (Москва), спортивного клуба института физкультуры и спортивно-производственного предприятия «Анты».

Наш город был представлен двумя командами: ДЮСШ «Динамо» под руководством И.М. Мельникова и спортивным клубом им. В.С. Ощепкова (СПП «Анты»). Последние выступили столь замечательно, что на первое место в командном зачете (94 очка) вышли с большим отрывом от команд ЦСКА (41 очко) и «Динамо» (М) (35,5 очков). В ближайшее время сильнейшие спортсмены клуба им. В.С. Ощепкова примут участие в первенстве России и в двух международных турнирах, которые пройдут в г. Тарту и в г. Калининграде (Балтия).

С. МАРКИН,
судья республиканской категории.

Фото В. ВЕДЕРНИКОВА

О РЕДАКЦИИ. Как оказалось, география прошедшего турнира была расширена благодаря усилиям СПП «Анты». Что за новая спортивная организация появилась в нашем районе? С этим вопросом мы обратились к директору «Антов» Н.И. ОРЛОВСКОМУ.

— В г. Пушкино мы переселились 18 сентября из соседнего Калининграда. В наших спортивных секциях (айкидо,

АНТЫ

В ПУШКИНО

таэквондо, каратэ, у-шу, джиу-джитсу, боевое и спортивное самбо, дзюдо) занимаются около тысячи детей: часть в г. Калининграде по месту бывшей прописки клуба, часть на спортивной базе ОВД в Пушкино. Вместе с ребятами занимаются и девушки. Кстати, в Пушкино тренер И.А. Бутенко ведет с интеллигентными (!) девушками занятия по самообороне. Комплекс без традиционных для восточных единоборств задирааний ног и других неприятных упражнений рассчитан на три месяца. Девушки старше 15 лет могут записаться в секцию самообороны в комнате 42 здания бывшего ГК КПСС (II этаж).

И еще одна информация. В марте наше спортивно-производственное предприятие «Анты» планирует провести в г. Пушкино международный турнир по самбо памяти В.С. Ощепкова, эти соревнования уже занесены в программу Спорткомитета РСФСР. Проведение турнира, понятно, будет стоить денег, поэтому мы активно ищем спонсоров. Если кто-то пожелает внести свою лепту в проведение первого в Пушкино международного турнира, мы будем очень признательны.

Наш адрес: г. Пушкино, ул. Некрасова, дом 5, телефон: 3-72-07.

«ИНФОРМАЦИОННАЯ ГАЗЕТА»

Рекламно-издательское агентство «Отчизна» издательского объединения «Культура» учредило новое издание — «ИНформационную ГАЗету»

Цель новой газеты — содействовать предпринимательству, облегчить деловым инициативным людям поиск партнера, информировать о спросе и предложении на товары, услуги, технологии, разработки, инвестиции, фрахтовые и бартерные сделки.

Тематика — Это реклама Ваших услуг и Вашей продукции.

— Это газета, которая приходит на стол тому, кто принимает решение.

— Это более ста тысяч читателей на территории нашей страны и за рубежом.

— Это газета для офисов, салонов первого и бизнес-класса на самолетах Аэрофлота.

— Это 16 полос компактного формата, которые удобно просматривать и отбирать необходимые для Вас материалы.

Способы распространения

Каналы «Союзпечати», «Мосинформа», спецрассылка в посольства, руководителям фирм, концернов, торговых представительств, туристских, авиационных, внешнеэкономических и других международных организаций (имеется банк данных на 100 тысяч адресов), продажа в салонах самолетов на внутренних и международных линиях Аэрофлота, в салонах первого и бизнес-класса, подписка на газету.

Цена газеты — один номер основного выпуска стоит 50 копеек. Тираж 100 000 экз.

НИКОЛАЙ САФОНОВ

ТАЛАНТЛИВЫЙ "АНТИСОВЕТЧИК"

В 1992 году в издательстве «Культура» выходит книга Николая САФОНОВА «Несостоявшийся приговор». С писателем беседует наш корреспондент Г. ПЫРЬЕВА

ни вполне могли добавить себе «художественности». Но не делаете этого, почему?

— Не терплю лжи, в том числе и по отношению к себе. За что и страдаю всю жизнь. С клеймом «политически незрелая личность» в 1971 году меня выгнали из Московской коллегии адвокатов, поскольку я защищал невинно осужденных людей крымской национальности; в 1977 году меня «ушли» из издательства «Современник», где мои взгляды тоже пришлись не ко двору.

Пятнадцать лет я обивал пороги журналов и издательств, пытаюсь хоть что-нибудь опубликовать. Унизительное это было занятие ходить по редакциям и выслушивать всякие глупости о своих произведениях. После такого дня позора я неделю отлеживался и чувствовал себя так, словно вывалился в дерьме, и клялся и божился, что больше не переступлю порога ни одной редакции, но проходило определенное время, и я снова плелся в журнал.

— Столь сильно было желание напечататься?

— А какой начинающий писатель не мечтает об этом? Ради этой цели, можно сказать, поступил учиться в Литературный институт, но за пять лет так и не напечатал ни строчки. Не печатался и в последующие три года, когда учился в аспирантуре Литинститута, в эту мою «болдинскую» пору, когда я написал повесть «Два часа до Нового года», несколько своих лучших рассказов, в том числе «Извечный спор», «Счастливая» — лучше этих трех лет, проведенных в аспирантуре, у меня не было, нет, и наверное, никогда уже не будет. Хотя меня по-прежнему не печатали, но уже знали во всех редакциях столичных журналов. Талантливый антисоветчик — рекомендовали в литературных кругах, но рукописи уже не посылали на рецензирование случайным людям, а либо читали прямо в отделе прозы, либо посылали на рецензию именитым критикам и писателям.

— И когда же наступил счастливый день?

— В январе 1976 года в еженедельнике «Литературная Россия» появилась моя первая публикация — рассказ «Белка». Но счастливым тот день не был: изменили название рассказа, выкинули целую страницу и изменили конец: люди, которые на протяжении всего рассказа только и делали, что издевались над Белкой и ее чувством к дроворому псу Батику и привели обоих к смерти, эти люди вдруг начали «с любовью и лаской» вспоминать о них — более кощунственного конца трудно придумать. Тем не менее в день выхода рассказа я с утра пораньше выехал из дома в центр, чтобы закупить в киосках как можно больше экземпляров еженедельника. Я дарил газету с рассказом всем, кто пожелал его прочитать.

Кстати, книга «Извечный спор», из-за которой я пошел на сделку с руководством «Современника», вышла в этом издательстве лишь через семь лет после моего оттуда ухода, в очень сокращенном виде. В таком же изуродованном виде в 1983 году в издательстве «Советский писатель» увидела свет книга «Белый голубь» (в 1979 году набор книги был рассыпан на стадии сверки).

— Николай Степанович! Кем в большей степени Вы себя считаете: юристом или писателем?

— Трудный вопрос. Я закончил (с отличием) юридический факультет МГУ, все десять лет с большим удовольствием работал в колледжи, параллельно учился в Литинституте и писал — подобный образ жизни меня очень устраивал. Но в одночасье жизнь была исковеркана... Об адвокатской практике я, «политически незрелая личность», помышлять уже не мог, устроился на 100 рублей юристом в проектную контору... Пришлось вспомнить о втором дипломе, попробовал заработать на жизнь редакторским трудом. Но в душе я остался адвокатом, человеком, идущим на чью-то защиту.

— Если не возражаете, я задам вопрос о том времени, когда Ваших подзащитных судили по пресловутой статье 190: «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», отмененной в апреле 1989 года. Каким образом Вы оказались причастны к процессу крымских татар?

— По окончании МГУ я был распределен в Московскую городскую коллегию адвокатов «под крыло» известной правозащитницы Софьи Васильевны Калистратовой. Там же работала Дина Исаковна Каминовская, которую после «дела Габая» выслали из страны, Николай Андреевич Монахов, оказавшийся, как и я, «политически незрелой личностью». Саму же Софью Васильевну вскоре тоже выгнали из адвокатуры, проводив на пенсию. Это был замечательнейший человек, с божьим даром адвоката. Невзрачная внешне женщина, с пипирсой во рту, при первом взгляде она скорее отталкивала людей. Но когда Софья Васильевна начинала выступать в процессе, вы видели совершенно другого человека. Великая правозащитница! Она и доверила участвовать в защите крымских татар, объяснив, что дела эти вовсе не уголовные, как пытаются их представить, а политические.

«Снаружи уже забарабили в окна. Спросонья заплакал ребенок, мать бросилась к нему, взяла на руки. В дверь теперь уже не стучали, а буквально выламывали ее. В окнах звенели стекла. Из коридора доносилась грубая брань: — Откройте вы, собацке отродье, или мы перевернем весь дом? — Кто там? — Милция...»

Не успел я отойти от двери, как меня отшвырнули в сторону. — Собирайтесь... Есть постановление о вашем выселении...

Ворвавшиеся в комнату четверо мужчин схватили первые попавшиеся под руку вещи и выносили их на улицу... Мужчина подошел к старухе, которая уцепилась руками за подоконник, и силой по-

тащил ее к двери. Хозяйка вскрикнула и с ребенком на руках побежала в соседнюю комнату. Мужчины преградили ей дорогу и, подталкивая с двух сторон, тоже теснили ее к выходу. Она упиралась, тогда один из дружинников, выхватив у нее ребенка, выскочил на улицу. Женщина с диким криком бросилась за ним. Я не выдержал.

— Что вы делаете? Это же незаконно... Ночью вы не имеете права выселять...

— Заткнись, татарская морда... Забирай шмотки и топай в машину, а то силой заставим...

(«Записки адвоката»)

После освобождения Крыма нашими войсками в одну ночь, с 17 на 18 мая 1944 года, по приказу Сталина, все крымские татары были выселены из Крыма. Одним росчерком пера был ликвидирован маленький народ, и очень долго, до XX съезда партии, о существовании крымских татар, о том, в каких ужасных условиях, по существу, в резервации, они жили, толком никто ничего не знал. 5 сентября 1967 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму». Этот указ, изданный для отвода глаз, мало что изменил в жизни крымских татар. Многие из них с семьями, детьми ринулись в Крым, но их ждала печальная участь. Не успевали они еще сойти с поезда, с самолета, а их уже снова сажали в поезд, в самолет и отправляли обратно в Узбекистан. Тех же, кто активно этому сопротивлялся, привлекали к уголовной ответственности за хулиганство, за сопротивление представителям власти, за нарушение паспортного режима... Вот этих людей я и защищал.

— Минувло более двух десятков лет, и вопрос крымских татар обозначился с новой силой.

— Но сегодня у этого вопроса принципиально иная окраска: тогда крымские татары отстаивали свое право на проживание в Крыму (купить дом, прописаться, устроиться на работу), сегодня они требуют создание автономии. Но это невозможно сделать хотя бы потому, что крымские татары составляют незначительную часть населения полуострова, исконно принадлежавшего России.

— То есть защищать интересы крымских татар сегодня адвокату Сафонову было бы сложнее?

— Безусловно.

— Слышала о том, что Вы участвовали в делах Ларисы Богораз и Анатолия Марченко...

— Да, участвовал. Но безрезультатно. Лариса Богораз подала заявление в суд по поводу необоснованного увольнения с работы, я должен был ее защищать. Но не успел: среди восьми «декабристов» Лариса вышла на Красную площадь, и в суде слушалось уже другое дело, без моего участия. Анатолия Марченко судили за нарушение паспортного режима (в действительности же за книгу «Мои показания» и открытое письмо редактору газеты «Руде право» по поводу чехословацких событий). В отношении его были проведены две медицинские экспертизы, результаты которых оказались взаимноисключающими: экспертиза КГБ свидетельствовала о душевной болезни А. Марченко, экспертиза института Сербского подтверждала, что он здоров. В этом процессе у адвоката была одна задача — настоять на проведении третьей экспертизы. Но сделать мне это не удалось, Анатолия Марченко отправили в психушку.

— И последний вопрос. О чем Ваша книга «Несостоявшийся приговор», которая готовится к выходу в издательстве «Культура»?

— О том, о чем мы с Вами вели сегодняшний разговор: что есть добро и зло, любовь и ненависть, правда и ложь... Повесть под тем же названием, что и книга, к примеру, рассказывает о несостоявшейся любви двух человек, мужчины и женщины, и суд высший судит их за убийство любви. Я попытался разобраться в природе такого чувства, как любовь, и почему люди ежеминутно, ежедневно сами убивают свое чувство...

Я признателен издательству «Культура» за то, что мою книгу приняли к изданию в том виде, в каком она была задумана и написана. Сегодня, когда коммерция выходит на первый план, но многие издатели решаются тратить средства на выпуск книг современных авторов, потому моя признательность значима вдвойне.

САФОНОВ Н. С.

Николай Сафонов

Несостоявшийся приговор.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРИГОВОР

Повести, рассказы. — М.; Издательство «Культура»,

1992 (1 кв.) — 28 л. (В пер.): 7 руб., 100000 экз.

Издательство
КУЛЬТУРА

— Николай Степанович! В последний год в центральных издательствах вышли сразу две Ваши книги: «Записки адвоката. Крымские татары» и «Издательский роман». В журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» появились положительные рецензии, да и читатель, судя по почте, заинтересованно встретил Ваши книги, которые шли к нему... сколько лет?

— «Издательский роман» был написан в 1979-м, «Записки адвоката» восьмью годами раньше, хотя отдельные главы «Записок» родились еще в 1965-м. Тогда же я отнес их в «Новый мир» и получил положительную рецензию от самого Юрия Осиповича Домбровского. И какую рецензию! По сей день я храню ее среди самых дорогих вещей.

«Закрывающая повесть (Ю.О. почему-то «Записки» назвал повестью), понимаешь, что они были совершенно необходимы. В них ярко показана та общественная атмосфера, в которой живет и работает рассказчик, будни суда, приемные дни юридической консультации, тишь судебных работников, клерков, адвокатов и прокуроров. Тут же, по ходу действия и всегда к месту, приводятся размышления начинающего адвоката насчет широкого круга вопросов судебной практики. Картина, надо сказать, из всего этого складывается пестрая, неоднозначная, иногда противоречивая, но зато запоминающаяся. Она правдива в целом, и поэтому вершишь во все ее частности, даже когда в чем-то не соглашаешься с автором... С литературной стороны рукопись написана добротно... Понять автора легко, он сам адвокат, сам знает, почему фунт лиха, иногда ему просто трудно сдерживаться, но в литературе кроме правды существуют еще и вопросы литературного такта. И так, я советую редакции заинтересоваться рукописью Н. Сафопова... Я советую не терять из виду талантливого автора, человека доброй воли, много пережившего и много передумавшего, независимо от того, как будет решен вопрос с публикацией его рукописи. Ю. ДОМБРОВСКИЙ.»

Тогда я еще не знал, как намучаюсь с «Записками», обойдя все редакции московских журналов, и было бы, наверное, намного лучше, если бы Домбровский сразу же зарубил их, а не поддержал положительной рецензией. Но в ту осень 1965 года я был полон радужных надежд, благодарил судьбу, что она одарила меня знакомством с таким замечательным человеком и настоящим писателем. Не знал я также тогда, что наше знакомство со временем перейдет в дружбу и я буду встречаться с ним еще сотни раз, у него дома в «каменной» переулке, и на Просторной улице в уютной двухкомнатной квартире, и в пивных, и в Доме литераторов, и в мастерской у Федота Федотовича Сучкова, и у художника Григория Анисимова, и просто на улицах большого города, как не знал я тогда, что наше знакомство закончится на Кузьминском кладбище в мае 1978 года, где я буду нести прощание своего учителя вместе с немногочисленными почитателями его таланта, которые придут на кладбище, чтобы, несмотря на недовольство властей, проводить Юрия Осиповича Домбровского в последний путь...

— В «Издательском романе», повествующем о Вашей работе в качестве редактора в «Современнике», есть рассказ о том, как Вы пытались опубликовать книгу Ю. Домбровского «Гонцы»...

— Ее, а также книги Анатолия Азольского, Натальи Баранской и Леонида Семина я взял из самозащита, то есть эти рукописи не значились (и не могли значиться!) в планах издательства. До последнего момента скрывал от руководства эти работы. Рукопись Домбровского удалось все же протолкнуть в план, книгу Баранской застолбил тремя положительными рецензиями... Но вскоре на собрании редакции русской прозы состоялось гнусное судилище, на котором обсуждали «недостойное поведение редактора Николая Сафопова, пытавшегося протолкнуть в план антисоветскую рукопись Леонида Семина». Меня уволили из издательства в день принятия брежневской Конституции.

«Хотел я этого или не хотел, но я отлично понимал, что опять трусил и не довел борьбы до конца. С точки зрения разумного человека, я сделал все правильно: пока была у меня возможность, я честно делал свое дело, тащил в план честные рукописи. Но вот произошла осечка с романом Леонида Семина «Один на один», и я не довел борьбы до конца, а сразу же схватился за спасательный круг, который они мне кинули в виде договора на собственную книгу, потребовав взамен лишь одно, чтобы я тихо-мирно ушел из издательства. И я не сразился с ними, пошел на сделку, словно не понимал, что договор на книгу объемом в двенадцать авторских листов — это плата за молчание. Меня просто элементарно купили за три тысячи шестьсот рублей. Высоко же они оценили мою голову! Я мог бы еще поторговаться с ними, и не исключено, что они бы навалили тыщонку, только прок-то какой от этих денег, все равно трусость не окупится никакими деньгами...»
(«Издательский роман»)

— Вы не боитесь казаться читателю несимпатичным, не избегаете нелицеприятных самооценок, хотя в литературном произведе-

От автора
Утром 28 августа
мне из Москвы в Нью-Йорк позвонил
заведующий Литбюро «Литгазеты»
и сообщил, что статья моя, присланная в редакцию,
напечатана не будет. Последовали объяснения, к которым
я не особенно прислушивался. Тем не менее отказ от публикации
статьи «НЕ СПЕШИТЕ ХОРОНИТЬ НАС, МИСТЕР ИКС» не
кажется мне случайным. За последнее время «Литгазета» публикует
уже третью по счету статью, атакующую нашу эмиграцию с самых разных сторон.

НЕ СПЕШИТЕ ХОРОНИТЬ НАС

Когда четырнадцать лет назад, в качестве политического эмигранта я покидал Советский Союз, то дал себе зарок никогда не вступать в контакты с советской стороной и в том числе с «управляемой прессой». Меня, профессионального публициста, разумеется, не раз тянуло черкнуть коллегам из Литгазеты, что именно я о них думаю. Так было, например, в январе 1987 года, когда газета обдала помоями писателя-эмигранта Георгия Владимова. Подмывало меня высказаться и в ту пору, когда, по очередной команде сверху, замалчивание писателей эмигрантов в одночасье сменилось истерическими восторгами по нашему адресу. Не обошлось тогда и без постыдных низкопоклонных интервью, данных нашими «прощенными» эмигрантами.

Итак, до сих пор я от публичных высказываний в советской прессе удерживался. Ныне же решил зарок этот с себя снять. Очень уж необычный даже для эпохи гласности материал появился в «Литгазете» за 3 июля 1991 года. Обозревателю С. Тарошину взяла в Лондоне интервью у некоего А. Кустарева. Назвали интервью «Поминки по эмигрантской литературе?»

Если бы интервью атаковало меня лично, то отвечать я попросту побрезговал бы. Но, почти не называя имен и названий литературных произведений, г-н Кустарев объявляет несуществующим труд десятков моих коллег, чьи книги я читаю, чьи нелегкие профессиональные обстоятельства мне известны, чьи интересы я обязан защищать как член правления той части американского ПЕН-клуба, которая зовется «Писатели в изгнании».

Итак, по существу дела. Похоронный тон интервью с первого же вопроса задала г-жа Тарошина. По ее мнению, эмигрантская литература «третьей волны» медленно умирает. Г-н Кустарев, выехавший из страны десять лет назад, не только согласился с этим, но добавил, что процесс умирания начался гораздо раньше. Уже в первые месяцы эмиграции, накинвшись поначалу на здешнюю литературу, он пережил «эффект обманутого ожидания». Более того, попав за границу, он понял, насколько лучше эмигрантов разбирались в делах литературных «поздний» Федин и «поздний» Катаев. Эти певцы сталинского режима, оказывается, не так уж и плохи. Автор унылых заказных романов «Костер» и «Необыкновенное лето», о которых, живя в СССР, мы всерьез даже говорить не могли, по мнению г-на Кустарева, является «чемпионом разумного понимания литературы». А В. Катаев, многократно в публичных выступлениях поносивший нашу эмиграцию, опять-таки по Кустареву, «просто призывает нас к трезвости». Конечно, литературные симпатии и антипатии — дело личное и спорить тут не о чем. Просто, выявляя такие вкусы, интервьюером обнажает себя значительно в большей степени, чем, может быть, даже и сам того желал бы.

Почтительно раскланявшись с советскими классиками, г-н Кустарев накиннулся на литературу

записок опубликовано пока не было.
Юрий Дружников (Девис, Калифорния) привез и опубликовал в Соединенных Штатах роман «Ангелы на кончике иглы», (ред. — В нашей стране роман вышел в издательстве «Культура»), где описывает прекрасно ему известную жизнь столичных журналистов, раскрывает механизм работы идеологической машины.
Устарели ли книги такого рода? По-моему, нет. Многие зависят от того, как они написаны, но важна и предшествующая история идей и людей. Она не безразлична для читателя живущего сегодня. Г-н Кустарев обвиняет наших авторов в излишней политизированности их произведений. Возможно это и так. Но напряженная политизированность наших книг в значительной степени отражает и умонастроение российской общины послесталинской эпохи, эпохи обретенных и тут же утраченных надежд. Кстати, тогдашнее наше разочарование оказалось поразительно близким тому, что народ наш испытал после первых восторгов периода гласности и перестройки.
Если говорить об эмигрантской литературе в целом, то даже в книгах о лагерях наши авторы далеко не всегда призывают читателя к мести и негодованию. Достойно и спокойно повествует о тюрьме и лагерной жизни Михаил Хейфец (Иерусалим), брошенный за решетку лишь за то, что готовился написать предисловие к самиздатскому сборнику стихов И. Бродского. А другой «сиделец» Игорь Губерман (Иерусалим) — тот и вовсе написал свою повесть «Прогулки вокруг барака» в философско-юмористическом тоне. Он «разделил» образ автора-лагерника на три ипостаси — на инженера, писателя и коллекционера, посаженного за собирание икон. Размышления о том, что происходит вокругводит их на мысль о национальном характере и исторических традициях народа. Взгляды у всех абсолютно разные. И только на последней странице книги читатель узнает, что все эти годы автор в лагере гулял и размышлял в одиночку, а литературное трио понадобилось ему только для разнообразия жизни за колочей проволокой.
Книга писателя Игоря Губермана пользуется как в Израиле, так и в Америке огромным успехом у читателей. Дагт Бог, познакомятся с ней и «дома». Эти и многие другие близкие по тону произведения писателей-эмигрантов заставляют меня заподозрить, что г-н Кустарев попросту ничего не знает об эмигрантской литературе. Тяга к обобщениям, не подкрепленная ссылками на конкретные произведения и на авторов, по сути демонстрирует его полную безответственность и некомпетентность.
Как я уже отмечал, г-жа Тарошина всячески поддерживает точку зрения интервьюируемого. Для нее, представительницы «Литгазеты», эмигрантская литература «третьей волны» нечто крайне малоценное. Говоря о вывезенных нами на Запад книгах наших, она утверждает: «Писать в стол в глухие времена — это означало полную изоляцию, невозможность самооценки, невозможность понять оригинальность, единственность замысла и воплощения». Закрученное мудрено, но автору этих строк следовало бы вспомнить, что именно «в стол» писал своего «Верного Руслана» будущий эмигрант Георгий Владимов (Нидерхаузен, Германия), «в стол» же писал своего «Чонкина» Владимир Войнович (Мюнхен), и опять-таки не для советских издательств готовил свой роман «Семь дней творения» Владимир Максимов (Париж). Г-же Тарошине не худо было бы знать и другое. Авторы, которые в 60-х, в начале 70-х писали «в стол», представляли собой своеобразный тайный орден, состоявший из доверенных и, как правило, высокопрофессиональных людей. Мы были тогда уже эмигрантами у себя на родине. Контакты творческие в этом подполье никогда не прерывались. Люди обменивались рукописями, обсуждали их в своем узком кругу и, не стесняясь,

эмигрантскую. «Что такое вообще литература третьей волны? — Она — издательское восприятие интеллигентского фольклора, возникшей в конце 50-х. К концу семидесятых эта традиция сформировалась в престижный канон. Вот этот канон и воспроизвела в «публикухе» так называемая эмигрантская литература». Это относительно идей и тем наших книг.
А относительно, так сказать, литературного профессионализма нашего, г-н Кустарев высказался еще более строго. «Эмигрантская литературная община пятнадцать лет занималась русским литературным антиквариатом начала века. И погрязла в двойном провинциализме: разорвала связь с материком и не установила связи с современной западной мыслью».

Считаю своим долгом сразу отсечь обвинение в том, что мы «разорвали связь с материком», то есть с российским литературным процессом. Почему же тогда, едва возникла возможность, все советские издательства, журналы и газеты буквально кинулись издавать и печатать произведения эмигрантов?

И то, что мы «не установили связи с современной западной мыслью» — тоже чепуха. Десятки книг писателей-эмигрантов вышли на европейских языках. Авторы их — не только наиболее знаменитые из нас, но и люди по своей известности стоящие, так сказать, во втором ряду. И рецензиями своими нас западная публика не забывает. Позволяю себе сослаться на собственный опыт. Вслед за появлением в английском и французском изданиях книги «Управляемая наука» издательство «Даблдей» переслало мне более пятидесяти рецензий появившихся в американской и западноевропейской прессе. Столько же примерно откликов вызвало издание на английском языке книги «Дело академика Вавилова». А уж книги таких авторов, как Александр Солженицын, Василий Аксенов, Сергей Довлатов, не говоря уже об Иосифе Бродском, вызывают потоки откликов в западной печати.

А теперь по поводу утверждения, что в произведениях эмигрантов нет ничего нового, только пережевывание кухонной давности. Жизнь московской и ленинградской интеллигенции, ее разговоры, беды, переживания 60-х и 70-х годов действительно являются темой ряда романов и документальных книг, опубликованных в эмиграции. К ним примыкают и лагерные воспоминания.

Наиболее типичен в этом отношении роман Феликса Розинера (Бостон, США) «Некто Финкельмайер», повествование о жите-бытие московской интеллигенции 60-х годов. Роман этот не только получил премию имени Далия в Париже, но по инициативе американских издателей был переведен на английский язык. Теперь эта написанная двадцать лет назад в Москве книга издана и в Советском Союзе.

На ту же тему в прозе и документальном жанре писали и другие наши писатели. Достаточно вспомнить «Спокойной ночи» Андрея Синявского (Париж), «Укрепленные города» Юрия Милославского (Израиль). Григорий Свирицкий (Торонто, Канада) в книге «На любом месте» рассказал о жизни писательского сообщества в послесталинскую эпоху, в анализе не только тогдашних произведений, но и с воспоминаниями о разговорах, поведении коллег в те непростые годы. Насколько я знаю, в советской литературе столь откровенных и серьезных

критиковали друг друга. С гордостью могу сегодня сказать, что жизнь изуродовала этих замечательных когда-то людей.
Думаю, что столь же высоко оценит советский читатель и другое произведение, весьма и весьма полюбившееся эмигрантам. Я имею в виду книгу Юрия Дружникова «Вознесение Павлика Морозова». (ред. — Издательство «Культура» предполагает издать эту книгу в 1992 г.). Побывав дважды в деревне, где родился и совершил свои «подвиги» Павлик, сыскав его близких, учителей, одноклассников и деятелей ОГПУ, причастных к событиям 1932 года, Дружников по сути дела до основания разрушил государственный миф, на котором воспитывалось три поколения советских граждан.
Небрежение к литературному таланту выглядит в устах г-на Кустарева особенно нелепо и смешно, когда он начинает рас-

суждать об Александре Солженицыне и Иосифе Бродском. Никакой конкретной оценки этим известным всеми миру и признанным фигурам он дать не смог. Да и не в том, очевидно, его цель. Раз эмигрантской литературы нет, то и творчество двух Нобелевских лауреатов ниже не стоит. Но как их опровергнуть? Да очень просто — обругать. Что г-н Кустарев и делает. Оба лауреата для него... Джамбулы Джамбаевы.
Когда интервью дошло до этого места, даже г-жа Тарошина смущилась: «Бродский и Солженицын тоже Джамбулы?» — спросила она. И получила невозмутимый ответ: «Больше, чем кто-либо. Как бы мы ни относились к их работам, «джамбульства» тут полно и без ретуши».

Опровергать и даже комментировать этот бред нет никакого смысла, так же, как нет необходимости оспаривать заявление о том, что «У нас тут (в эмиграции — М. П.) все пятнадцать лет царила чудовищная атмосфера культа Солженицына и Бродского». Не было этого. Бродского как личность и поэта эмиграция уважает, кое-кто читает его стихи. На публичные выступления его собираются значительно больше любителей поэзии, чем на другие такого же рода мероприятия. Но культа нет и в помине. К Солженицыну «третья волна» относится более сдержанно, время от времени всплывают разговоры о его антисемитизме, которые кажутся мне несостоятельными. Что касается чтения его новых книг, то я знаю лишь одного или двух человек, одолевших эти весьма толстые и трудночитаемые тома. Зато «Архипелаг ГУЛАГ» и такие произведения Александра Исаевича, как «Раковый корпус» и «В круге первом», не говоря уже об «Одном дне Ивана Денисовича» и «Материнном дворе», читатели помнят и хранят за них благодарность этому талантливому и мужественному человеку.

В отзывах г-на Кустарева для меня явственно просвечивает или комплекс неудачливого завистника, или некая заданность, если не задание. Иначе трудно понять огульное охаивание всех и вся только по одному признаку — эмигранты. В конце интервью эта установка начинает выявляться все более явственно. Оказывается у нас, эмигрантов, «готовая формула, что все таланты должны писать что-то антисоветское и все антисоветское — продукт задушенного таланта». Давненько не слышали мы таких речей. Неужели они снова входят в моду? Но сегодня уже достаточно точно поли-

ИЗ наиболее талантливых книг, вышедших по-русски на Западе в последние годы, я бы отметил также грустную и в то же время глубоко волнующую нас, эмигрантов старшего поколения, повесть Григория Свирицкого «Прощание с Россией». Готовясь покинуть страну, писатель, активный участник минувшей войны, решил попрощаться с самыми близкими для него людьми — героями-летчиками, инженерами и техниками с военного аэродрома, где ему пришлось воевать. Он объехал маленькие и деревни Средней России в поисках

своих однополчан и с горечью увидел, как за тридцать лет жизнь изуродовала этих замечательных когда-то людей.

Говоря о наиболее удачных книгах, вышедших на Западе по-русски, я, разумеется, не забываю и о тех изданиях, которые нам здесь никакой радости не доставили. Если всерьез проанализировать творческую деятельность десяти тысяч членов СП, то пропорция литераторов, которым не следовало бы братья за перо, оказалась бы абсолютной же, что и в среде эмигрантов.

МАРК ПОПОВСКИЙ

К изумлению моему, когда г-ну Кустареву был задан вопрос о талантливых писателях-эмигрантах, он отмахнулся: «Я опускаю эту малость сознательно, потому что меня занимает в основном тема профессионализма». Итак, профессионализм для писателя оказывается важнее природного таланта. Мой жизненный опыт говорит об ином. Именно с той малости начинается писатель, и он же кончается, когда малость сия истощается. Эта закономерность особенно явственна в эмиграции. Пройбись нашей литературной молодежи крайне трудно. И вот тут-то талант все и решает. Талант и труд. На наших глазах утвердили себя как блестящие публицисты и литераторы Петр Вайль и Александр Генис (Нью-Йорк), удалось выбиться и приобрести русскую и американскую читательскую аудиторию Сергею Довлатову (Нью-Йорк). Среди живущих в Европе состоялись такие уже не молодые писатели, как Борис Хазанов (Мюнхен) и Фридрих Горенштейн (Берлин).

Термин «выбиться» на Западе означает отнюдь не прием в Союз писателей СССР и не благоденствие Литфонда. Речь идет о том, что тебя начинают переводить и издавать. Это может принести материальное благополучие, а подчас таковое и не приходит, но зато в журналах появляются рецензии, ссылки в чужих статьях, надежда... После многих лет невнимания, прекрасного прозаика и драматурга Ф. Горенштейна начинают сейчас издавать в Швейцарии, говорят, будет выпущена целая серия его книг. Но и прежде его роман «Псалом», повесть «Искушение» и пьеса «Бердичев» обратили на себя внимание нашей русскоязычной читательской аудитории. Было сразу видно — талант. Еще большую симпатию у меня лично вызывает творчество Бориса Хазанова: его сборник прозы «Я — воскрешение и жизнь», а также две книги публицистики «Миф Россия» и «Идуший по воде». Если бы меня попросили послать на родину три самые интересные сегодня книги, я послал бы «Миф Россия» (размышление о прошлом и будущем российского общества), «Шестидесятые» П. Вайля и А. Гениса о годах, в значительной степени предопределивших «перестройку», и редешную и грустную пьесу Горенштейна «Бердичев», где каждый советский человек — русский или еврей — смог бы, как в зеркале, узнать себя.

Из наиболее талантливых книг, вышедших по-русски на Западе в последние годы, я бы отметил также грустную и в то же время глубоко волнующую нас, эмигрантов старшего поколения, повесть Григория Свирицкого «Прощание с Россией». Готовясь покинуть страну, писатель, активный участник минувшей войны, решил попрощаться с самыми близкими для него людьми — героями-летчиками, инженерами и техниками с военного аэродрома, где ему пришлось воевать. Он объехал маленькие и деревни Средней России в поисках

стать столичные, ленинградские и прибалтийские журналы, чтобы убедиться, что это неправда. Зачем далеко ходить, абсолютно нейтральна в политическом отношении поэзия Иосифа Бродского. Другой ленинградский писатель-эмигрант Игорь Ефимов (штаг Нью-Джерси) как-то шутил сказал мне, что для него антисоветизм — одна из самых скучных тем в разговоре, не говоря уж о писанине. «За несклонность к политическим лозунгам и штампам меня, начиная с седьмого класса, корили за абстрактный гуманизм», — рассказывает Ефимов. — Таким я остаюсь и по сей день в своих книгах». И действительно, никакой антисоветской «формулы» в романах Ефимова «Архивы страшного суда», «Седьмая жена», в двух его философских трактатах и книге-исследовании о причинах убийства президента Кеннеди читатель не найдет. Но найдет зато много интересных мыслей, принадлежавших человеку, серьезно заинтересованному в общечеловеческих проблемах.

Но, став на позицию защиты советской литературы от антисоветчиков, г-н Кустарев продолжает демонстративно напрягать мускулы. «Эта формула (о том, что мы, эмигранты, пишем только антисоветские книжки — М. П.) только теперь начинается постепенно ржаветь и надс подтолкнуть ее к смерти, что я и делаю», — заявляет он. Продолжая демонстрировать свою верность официальным политическим позициям, г-н Кустарев даже советское общество обвиняет в недостатке классового самосознания, которое, по его мнению, стоит «на очень низком уровне». Он и Маркса при этом не забывает процитировать, еще что-то вполне официальное давно нами забытое. Меня это удивляет. Мы уже читали интервью, которое дает в советской прессе Э. Лимонов, гордящийся тем, что его папа тридцать лет проработал в «органах». О свое преданности сталинским идеям многократно извещал мир А. Зиновьев, до сих пор убежденный в преимуществе кохозного строя. Так что эмиграция далеко не единодушна.

Надеюсь, что, дочитав мой совет, каждый здравомыслящий читатель уразумеет, что поминки по эмигрантской литературе третьей волны преждевременны. Я не имею возможности назвать в своей статье многих одаренных коллег, чьи произведения были опубликованы за прошедшие полтора десятилетия по-русски и в переделах. Достаточно сказать, что только что вышедшей энциклопедии «Литературное изгнание двадцатого столетия» (Издательство «Гринвуд-пресс», 1991) представлены биографии 27 не здравствующих и семи недавно умерших русскоязычных писателей из числа третьей волны. Более сорока литераторов являются членами той части американского ПЕН-клуба, кото объединяет писателей в изгнании. Я бы на месте «Литературной газеты» не торопился свалить всю эту массу авторов вместе с их произведениями в мусорную корзину г-ном Кустаревым.

Нью-Йорк, 1991

МИСТЕР ИКС
«русской мафии» до поведения эмигрантских писателей и бывших диссидентов осуждающую эмиграцию за то, что они не желают возвращаться на родину и вместе с всем народом строить демократическое общество, а также эмигрантскую литературу не созданную из одного сколько-нибудь стоящего произведения. Мою точку зрения по этому вопросу «Литгазета» опубликовала пожелала.

The myth of Pavlik Morozov

Overseas Publications Interchange Ltd London 1988

Юрий Дружников

Вознесение Павлика Морозова

«Вознесение Павлика Морозова» (русское издание — Лондон, ОПИ, 1988 год). Первое документальное расследование «убийства века» — смерти самого известного доносчика, ставшего монументальным и унылым символом советской системы. В книге на основе документов и показаний оставшихся в живых свидетелей подробно рассказывается о реальном Павлике Морозове, о тайной операции ОГПУ, организованной в преддверии большого террора тридцатых годов, и о тех писателях и деятелях искусства, кто создавал миф о стукаче-герое.

Предлагаем вниманию читателей главу из книги Ю. Дружникова «Вознесение Павлика Морозова» — МИФ: ОБРАЗЕЦ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА.

Можно считать доказанным, что при жизни Павлика Морозова никто героем не считал. Ни слова о его подвигах написано не было. Никто за пределами деревни о его существовании не знал. Морозов стал героем потому, что такой герой понадобился. Аппарату пропаганды предстояло создать образец человека, наделенного нужными качествами, эталон, по которому можно оценивать пригодность людей и делить их на своих и врагов.

В тот самый день, когда в Тавде открылся показательный суд над убийцами Морозова, в Москве начался пленум Центрального комитета комсомола. На нем говорилось об идеологической подготовке юношества к служению партии, о воспитании преданности. Эту установку дал от имени Сталина выступивший на пленуме член Политбюро Павел Постышев. «Павлик должен стать ярким примером для всех детей Советского Союза», — заявил в докладе заместитель председателя Центрального бюро юных пионеров Василий Архипов.

Имя Павлика зазвучало с трибун съездов и совещаний. ЦК комсомола разработал план пропаганды подвига Морозова. В декабре выходит специальный бюллетень ТАСС № 50 «Всем комсомольским и пионерским газетам Союза». Сверху спущен приказ «обеспечить написание сценария для кинофильма и пьес для детских театров», издания книг и плакатов о пионере-герое Морозове.

По Ленину следовало «строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства». Ленин требовал переделывать этот испорченный человеческий материал. Сталин упростил задачу и начал ликвидировать испорченный материал. Этот

испорченным материалом были те, кто мешали Сталину. Начал он с первого поколения старых большевиков, занимавших государственные посты. Второе поколение, воспитанное до революции, тоже несло груз отживших моральных принципов. У порога стояло третье поколение, родившееся в послереволюционные годы. Именно они, сверстники Павлика Морозова, и предназначались для того, чтобы выполнить любые указания вождя.

Старых моральных критериев эти молодые люди не знали. Они не имели возможности сравнивать и всегда были «за», готовые, как предлагала популярная песня тех лет, «петь и смеяться, как дети, среди упорной борьбы и труда». Пропагандистские формулы гипнотизировали: «Модель трактора мы заимствовали у Америки», — писал в «Комсомольской правде» Илья Эренбург. — Но наши трактористы — модели новых людей, которых не знает старый мир».

Заместитель наркома просвещения, вдова Ленина Надежда Крупская, требовала «получить определенный тип человека». Нарком просвещения Анатолий Луначарский с трибуны Всероссийского съезда педагогов так разъяснял сущность задач большевистского воспитания: «Поскольку государство является военной диктатурой, в нем нельзя проводить гуманитарных начал, тех начал, которые являются основой нашей веры. Практиковать сейчас добро и человечность — предательство, нужно сначала с корнем вырвать врагов». Пропаганда ненависти, направленной на классовых врагов, на родственников и соседей, и обучение бдительности, то есть постоянной подозрительности ко всем людям, включая отца и мать, стали фундаментом этой новой системы

воспитания.

Морозов стал образцом для воспитания ненависти к врагам партии. Первое художественное произведение о Морозове поэт Михаила Дорошина называлось «Поэма о ненависти». Новое поколение приучалось к тому, что оно живет в стане врагов, что дети должны с детского сада разоблачать троцкистов, кулаков и шпионов.

Молодой лидер комсомола Александр Косарев говорил с трибуны: «У нас нет общечеловеческой морали. Мораль — классовая. Наша мораль — это та, что взрывает капитализм, уничтожает его остатки, укрепляет диктатуру пролетариата, двигает вперед строительство социализма». Создавалась казовая модель взамен отмененной общечеловеческой. Этой новой моралью отменялись стыд, совесть, жалость, сострадание, великодушие, доброжелательность, сопереживание, терпимость — то есть оттенки, которые и составляют особенность человека, отличие его от зверя. Но зверь никогда не предаст, не донесет. Что же это тогда — новый человек?

Показательный процесс по делу об убийстве Павлика Морозова освещался в газетах с частым использованием известного афоризма Максима Горького: «Если враг не сдается, его уничтожают». Так имя Морозова с первых публикаций оказалось рядом с именем основоположника социалистического реализма, назначенного в начале 30-х годов главным инженером душ третьего поколения новых советских людей. В статье «О старом и новом человеке» Горький писал: «В Союзе Советов растет новый человек, и уже безошибочно можно определить его качество. Он обладает доверием к организующей силе разума (к диктатуре, по-видимому, — Ю.Д.) — доверием, которое утрачено интеллигентами Европы, истощенными бесплодной работой примирения классовых противоречий».

Горький писал, что «масса все более героизируется». Его теория надо было подкрепить практикой. «Пионерская правда» и другие газеты обращались с призывами к писателям показать пионера-героя Павлика Морозова. И Горький тоже обратил на мальчика внимание. Помог ему в этом молодой журналист из провинции Соломеин. Именно Соломеин создал первую версию мифа о Павлике Морозове.

О мировоззрении Соломеина в какой-то мере можно судить по его сравнению капитализма и социализма: там бьют детей, а здесь есть барабаны. Толчком к тому, чтобы сделаться писателем, Соломеину послужило специальное распоряжение Уральского обкома написать книгу о новом человеке — Павлике Морозове. Срок установили — десять дней.

Однако с первой книгой Соломеину не повезло. Он написал «В кулацком гнезде» за двадцать дней и ночей и — за опоздание на десять дней — получил партийный выговор. Издавали книгу поспешно, о чем свидетельствует множество корректурных ошибок. Книга была быстро издана на других языках народов СССР. Отвержки из нее печатались в Париже, в журнале компартии «Мон Камрад». Соломеин послал книгу в дар вождю пролетарских писателей Горькому и еще нескольким писателям. Ответил ему только Горький, причем сразу.

Известно, что основоположник социализма охотно хвалил ничтожные и полуграмотные книги, если они принадлежали перу пролетарских авторов. Какой бы неумелой ни была книга «В кулацком гнезде», она, казалось бы, как нельзя более кстати иллюстрировала задачи, поставленные перед новой литературой и отвечала призывам самого Горького. И вдруг: «Плохая книжка; написана — неумело, поверхностно, непродуманно. Героический поступок пионера Павлика Морозова, будучи рассказан более умело и с той силой, которая обнаружена Морозовым, — получил бы очень широкое социально-воспитательное значение в глазах пио-

неров. Многие из них, наверное, поняли бы, что если «кровный родственник является врагом народа, так он уже не родственник, а просто — враг и нет больше никаких причин щадить его». Далее критика книги приобретает сатирический характер: «Читатель, прочитав ее, скажет: ну, это выдуманно, и — плохо выдуманно! Материал оригинальный и новый, умный — испорчен. Это все равно, как если бы из куска золота сделали крючок на дверь курятника или пострелили бы курятник из кедра, который идет на обжимки карандашей».

Горький отчитал Соломеина за то, что тот не обобщил черт нового героя. А Соломеину мешало, что он слишком хорошо знал подлинные события и был неопытен в умении их извращать. Последующие авторы предпочитали поменьше соприкасаться с живыми фактами и просто конструировали образ Морозова, каким он должен быть. К этому с опозданием пришел и Соломеин.

Через месяц после письма Соломеину центральные газеты выходят со статьей Горького, в которой в совершенстве сделаны обобщения, оказавшиеся не под силу провинциальному журналисту. «Борьба с мелкими вредителями — сорняками и грызунами — научила ребят бороться и против крупных, двуногих. Здесь уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что человек, — родной по крови, вполне может быть врагом по духу и что такого человека — нельзя щадить».

Устами Горького партия провозглашала, что главное теперь — выявлять двуногих вредителей, врагов по духу в среде своих родных и близких, а это значит, подозревать, следить и сообщать. Отныне главным героем Страны Советов провозглашался не маленький борец за коллективизацию, а — доносчик.

По странности человеческой судьбы статья Горького появилась как раз в то время, когда по Москве поползли слухи, что его сын Максим Пешков завербован и сообщает личному секретарю писателя чекисту Петру Крючкову, о чем отец беседует дома в отсутствии своего помощника. Об этих разговорах у Горького докладывалось главе ОГПУ (с 1934 года НКВД) Генриху Ягоде и лично Сталину. Чуть позже Максим, по официальным данным, был уличен в шпионаже. Два года спустя та же участь, если верить печати 30-х годов, постигла Горького, затем публично судили и расстреляли его секретаря Крючкова и Ягоду.

После статьи Горького миф обогащается: деревенского мальчика-доносчика газеты стали называть «непримиримым бойцом за дело рабочего класса». «Память о нем не должна исчезнуть», — заявил Горький, — этот маленький герой заслуживает монумента, и я уверен, что монумент будет поставлен». Уверенность Горького, полагаем, исходила не только от него самого: не сам же он решил воздвигнуть монумент в центре Москвы. А уже начался сбор средств среди детей на постройку памятника Павлику Морозову. Рядом с Тверской, главной московской улицей, переименованной к этому времени в улицу Горького, в столице предстояло возвестись фигуре пионера-доносчика, который оказался в центре внимания Первого съезда советских писателей, торжественно открывшегося в августе 1934 года.

Вопрос о Морозове возник сразу после приветствия, которое писатели направили Сталину. Горький обратил внимание писателей на то, что «рост нового человека особенно ярко заметен на детях».

От имени пионеров Сибири выступила пионерка Алла Каншина: «Алексей Максимович совершенно правильно сказал, что Павлику Морозову памятнику нужно поставить. Нужно это сделать, и мы, пионеры, этого добьемся. Мы уверены, что вся страна это поддержит. Павлик Морозов заслужил этого. Где еще в мире вы найдете, чтобы

страна ставила памятники ребятам? Слышали мы, что где-то за границей есть один-единственный памятник: голый парнишка стоит около фонтана. Вот война была, и на него надели генеральский мундир. Что может сказать этот памятник? Ничего. А наш памятник будет звать всех нас, ребят, к героизму (аплодисменты). Товарищ съезд, организуем это дело! Поставим памятник! (Продолжительные аплодисменты)». Как возникают подобные детские инициативы, читатель знает не хуже нас.

Основной задачей советской литературы с начала 30-х годов становится внедрение в сознание общества стереотипов поведения, требующих власти в данный момент. Едва Павлик Морозов был предложен, писатели поспешили доказать свою преданность и готовность на все. Им показалось, что монумент сделать быстрее, чем написать книгу, и монумент будет выглядеть эффективнее. Эталоном нового человека и положительным героем эпохи социализма был провозглашен предатель, подобный тем, кого Данте поместил в девятый круг ада.

После Первого съезда писателей процесс создания моделей новых людей принял индустриальный размах. Детскую литературу называли в те годы «школой ненависти». Не художественные качества книги, а соответствие требованиям стало главным критерием литературы. Павлик Морозов стал основной моделью для создания положительного героя. «Писатели стараются написать о Павлике Морозове такую книгу, — позже объяснил суть дела поэт Александр Яшин в «Комсомольской правде», — чтобы она показала лучшие, типичные черты наших детей, стремятся создать образ пионера, которому бы подражали поколения советских ребят».

Перед смертью в 1936 году Горький опять вспомнил о Морозове: «Это одно из маленьких чудес нашей эпохи». Человечеству было известно только семь чудес света. Горький разглядел восьмое

— маленького доносчика. Но были в жизни знаменитого писателя и другие времена, когда он иначе оценивал предательство и донос. После февральской революции 1917 года он записал в своем дневнике, а затем опубликовал следующий эпизод. К нему, тогда редактору петроградской газеты «Новая жизнь», пришла миловидная женщина, немного смущенная: «Видите ли, я была агентом охранного отделения... Это очень гадко?» Женщина объяснила, что у нее был роман с офицером, который сделался жандармским адъютантом. В ее квартире собирались разные люди, и она доносила через любовника, о чем они говорили.

«— Вы многих предали?»

«— Я не считала, конечно. Но я рассказывала ему только о тех, которые особенно не нравились мне.»

«— Вам известно, как поступали с ними жандармы?»

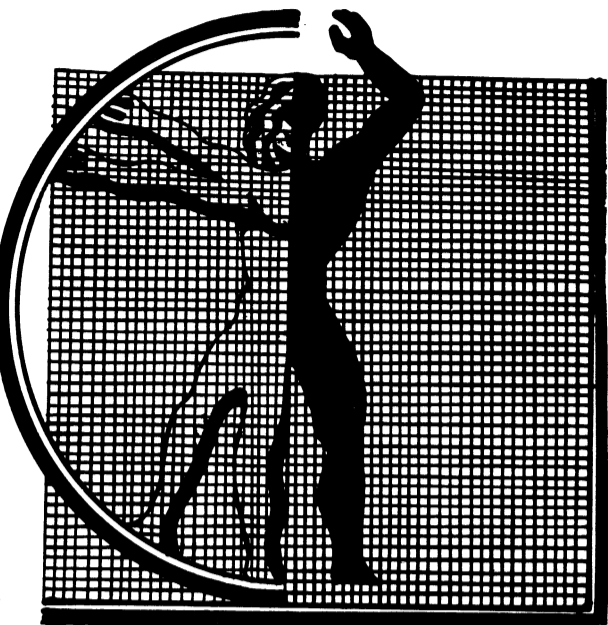
«— Нет, это не интересовало меня. Конечно, я слышала, что некоторых сажали в тюрьму, высылали куда-то, но политика не занимала меня...»

Великий пролетарский писатель был возмущен. Он молча выслушал исповедь доносчицы, «огромным напряжением воли скрывая тоскливое бешенство». Он думал тогда: «Я знал Гуровича, Азефа, Серебрякову и еще множество предателей... Когда одно за другим вскрывались их имена, я чувствовал, как кто-то безжалостно-злой иронически плещет в сердце мне». Горький не жалел слов, чтобы раскрыть читателю всю мерзость падения этой женщины: она донесла жандармам на отца, которого не любила за то, что он разошелся с ее матерью. «Разве не я отвечаю за всю ту мерзость жизни, которая кипит вокруг меня, — спрашивал Горький, — не я отвечаю за эту жизнь, на рассвете подло испачканную грязью предательства». Полтора десятилетия спустя в соответствии с новой моралью, тот же Горький призвал увековечить героя Павлика Морозова. Предатель отца стал национальным советским героем.

Горький и Сталин. Публикация в «Комсомольской правде» в день открытия Первого съезда советских писателей. Художник Сварог.

ТАК КТО ЖЕ ОН — ЧЕЛОВЕК?

Отрывок из философского эссе доктора физико-математических наук И. И. ГАРИНА «Человеческие качества»

«Где находится маска? В зрительном зале или на сцене?» (Жид).

«Мы на то и живем, чтобы ломать комедию» (Сартр).

«Я равно порицаю и тех, кто взял себе за правило восхвалять человека, и тех, кто его поносит, и тех, кто смеется над ним; я с теми, кто, стесняя, ищет истину» (Паскаль).

Так кто же он — человек? Непокорный Прометей, или безропотный Сизиф, или дерзновенный Икар, или всеми гонимый Агасфер?

«Изнасилованный и насильник, то, чем он хотел быть и не хотел» (Джойс).

Ницше так и говорил: человек — большой зверь.

А, может быть, недуг божества?

Иху? Участник вальпургиевой ночи? Искушаемый бесами Антоний? Улисс во дворце Цирцеи? Вырвавшийся на волю демон страстей? Или стремление превозмочь себя? Или отчаяние на грани безумия? Или результат разорванного сознания?

«Мир великий и малый, макрокосм и микрокосм. Основан на пустоте, повис над бездной» (Джойс).

Человек как неудавшееся бытие, человек-масса, человек как все... Или, наоборот, человек как мост к сверхчеловеку? Или, как говорил Камю, противобесбогам и титанам?

«На этом свете я не видел чудца более диковинного, чем я сам» (Монтень).

«Так кто же я такой, творенье чьих я рук,

Предмет и не предмет, и точечка, и круг?» (Силезиус, немецкий поэт).

Человек человеку — волк? Нет, человек человеку — бревно. Человек человеку — вещь.

«Господи, какая правда! Подлец человек! И подлец тот, кто его за это подлецом называет» (Достоевский).

«Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие, и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь между тем все одним и самим собою» (Толстой).

Да, и фаустовский человек, и карамазовский, и смердяковский. И швейцерово-гандианский...

Человек — блазон.

«Я сам впоследствии привык быть разным человеком, смотря по тому, о какой Альбертине я думал... Ради точности мне следовало бы называть разными именами каждое из тех Я, которыми впоследствии пришлось думать об Альбертине, тем более следовало бы называть разными именами каждую из тех Альбертин, что появлялись передо мной, всегда неодинаковые, как те моря — только ради удобства называемые мною просто морем...» (Пруст).

Человек как зрящая тьма, как конфликт духа и плоти, добра и зла, альтруизма и насилия, целеустремленности и безволия.

Человек как свобода. Человек как воля. Человек как тело (в человеке-

массе больше ничего и нет). Человек как душа.

«Душа и тело слиты нераздельно, так отчего же тесный их союз не оградил их от вражды смертельной?» (Гете).

«И нет другого существа, которое было бы столь неуживчиво и столь же общительно, как человек: первое — по причине его пороков, второе — в силу его природы» (Монтень).

А может быть, не мир абсурдистов, а человек сделал его таковым?

«А может быть, как писал Нерваль, все мы — просто очень красивые призраки?»

А еще: человек — реакция на внешние раздражители. Удар под колено — он выбросит ногу вперед. Пробуди в нем аппетит, тщеславие, похоть, жадность — он будет хватать и лаять, ненавидеть и любить, не считаясь с очевидными фактами. Он — существо, реагирующее на любое внешнее воздействие. Обнимешь мужчину за шею, и он обнимет тебя за талию. Это у него получится непроизвольно.

«Э к р а с и я. А на самостоятельные поступки они способны?»

Пигмалион. Нет. А к и с. Могут ли они отвечать на вопросы?

Пигмалион. О, да. Вопрос — это уже раздражитель. Спроси его о чем-нибудь.

А к и с. (Фигуре мужчины). Что вы думаете о том, что видите вокруг?

М у ж с к а я ф и г у р а. Я еще не читал сегодняшней газеты» (Шоу).

А, может быть, человек — кукла безумия? Согласно древнему мифу, появлению на свет человек обязан Момусу, сыну Юпитера. Крикливое дитя богов оглушало родителей громкими воплями. Чтобы успокоить его, Юпитер подарил Момусу человека, которого только что создал. Так человек стал игрушкой, куклой безумия.

Человек как авантюра природы, ошибка эволюции.

Человек как животное, способное на беспричинные поступки.

Человек как невротическое, ритуальное животное с мягкими мочками.

«Это — нечто вроде эгоистического животного, забывшегося в частную жизнь; телевизор, которого еле-еле «волнует» сверхбыстрые информации, но который пробует смотреть все программы, на самом деле оставаясь глубоко равнодушным при виде голода или взрывов» (Бастлман).

Человек как никогда не завершаемое несовершенство, скованное цепями прошлого.

Человек как вечное возвращение, как наверхывание упущенного, как повторное начинание, как обновление, которое не может обновиться.

Человек как доверие к бытию.

Человек как самоопределение.

Человек как воплощение асоциальной социальности.

Человек как сумма общественных отношений.

Человек как совокупность мотивов, производная от

стремлений и привычек. Человек как два лика бытия: инстинктивность плюс озаренность.

Человек как бесконечный континуум, заполненный впечатлениями, эмоциями, волей.

Человек как неопределенность.

Человек как бездна.

«Человек есть такие бездны, которые он даже себе открывает боится и что таких вещей у него довольно-таки накопится... То

Непокорный Прометей, или безропотный Сизиф, или дерзновенный Икар, или всеми гонимый Агасфер?

есть даже так: чем более порядочный человек, тем более у него их и есть» (Достоевский).

«Бездна как бездна: в ней есть все. Бездна бездны бездны» (Джойсизм).

И еще: человек как неосторожность природы, достойная внимания лишь своей сложностью и необъяснимостью.

«Каждый имеет своего коршуна, даже если он не имеет своей совести, констатирует имярек в своем Прометее» (Жид).

С присущим им антропоцентризм люди всегда рассматривали себя венцом творения, последним звеном в эволюции. И мало кому приходит в голову мысль о том, что они и есть то «давно искомое недостающее звено между животными и действительным человеческим существом» (Лоренц). Впрочем, кто знает, была ли эта самая эволюция?

Человек — неопределенность он перестал быть животным, но еще не стал вполне разумным. Он — переход, ломка, трансформация.

Человек — не вполне удавшееся существо: от животного его отличает отсутствие покая, от бога — отсутствие совершенство.

Человек как никогда не завершаемый имперфект, скованный цепями прошлого.

Человек как бесплодная страсть. Как крушение фундаментального проекта. Как банкротство и демократии, и деспотии.

«Человек — это прежде всего замысел, который живет своей собственной жизнью, вместо того, чтобы быть мхом, плесенью или цветной капустой».

«Человек потому не поддается определению, что он первоначально ничего собой не представляет. Он станет человеком лишь позже и станет таким человеком, каким он сам себя делает. Таким образом, нет человеческой природы, и нет Бога, который бы ее изобрел» (Сартр).

А рядом: человек как ответственность за все.

Человек как инструмент самопознания и управления божественным хаосом.

Человек как этап бесконечного развития.

Человек как постоянно преодолеваемая ограниченность.

Человек как существо, строящее свой дом и свой мир.

Человек суть первая проба пера новой жизни, открывающей эру психозоя, эволюции, осознавшей самое себя. Но трудно даже предположить, какого монстра или какой чудесный плод подарит нам древо жизни в своем неистовом стремлении к новым формам экспансии.

«Но, не предрешая того, что развитие может незаметно продолжаться в глубине нервных систем, эволюция с этого момента явно вышла за рамки своих анатомических форм, чтобы распространиться на индивидуальные и коллективные зоны психической спонтанности или даже, может быть, совсем переместить в них свой жизненный центр» (Тейяр де Шарден).

И — рядом:

«Человек — единственное существо, которое причиняет боль другим ради забавы и знает, что это боль... Все живые существа убивают — это правило, кажется, не знает исключений, но из них только человек убивает ради удовольствия, только он убивает по злобе, только он убивает из мести. А кроме того, из всех живых созданий только он обладает грязным умом» (Твен).

Может быть, Макс Борн с единственными действиями природы создаст мыслящего человека не удастся?»

Но почти одновременно у другого великого немца, Томаса Манна, нахожу: «Торжественная встреча духа и природы,

становится человеком, и то, чем он отличается от другого. Нет природы человека вообще, есть бесконечное подобие и бесконечная неповторимость людей».

«А может, человек — это и есть Бог? Люди подобны богам, когда они счастливы, — еще когда изрек Страбон. А когда несчастны? — Боги на протезах?» (Фрейд).

Нет, человек — это Бог, если только он, человек. А если он Бог — значит, он прекрасен, возражает гегельдовский Гиперион. Человек божествен, вторит ему Уитмен. Человек, подлинно глубоко заглянувший в самого себя, в итоге услышит глас божий, разъясняет Меррей.

Не без влияния Ницше Меррежковский как-то заметил, что в животном начале заключено и животное-человек и животное-бог.

По мнению Вебера, сама расщепленность человека является главным условием его развития и свободы. Поэтому ни человек, ни общество не могут рассматриваться как некая целостность, подчиненная единому принципу. Плюралистическая концепция человека — движитель постоянной внутренней борьбы личности с самой собой. Такая борьба не просто нормальное состояние личности и свободы. Амбивалентность — основная позиция всех творцов, причем я имею в виду не тему двойничества — Страшную историю доктора Джекиля и мистера Хайда Стивенсона, Эликсир дьявола Гофмана, Под местным наркотом Грасса, но всего Достоевского, Пруста, Ибсена, Стринберга, Т. Манна, Белого, Джойса... После сказанного особенно остро чувствуешь холодную, бритвенно-режущую остроту определения лингвистической философии: человек есть то, что он есть...

«Я вижу одни только маски. Только у меня лицо, и лишь относительно меня нельзя ошибиться — кто я» (Л. Андреев).

Человек исчезает, — провидит Гельдерлин, — остаются лишь виды занятий. Роли. Профессии. Вооруженное фразой бездушие.

Но не только роли — еще и символы. Говоря словами Кассирера, человек есть «символическое животное», одной из потребностей которого наряду с потребностью есть и любить является потребность символически моделировать свой мир.

«Еще никто не видел человека, способного съесть кусок хлеба или удовлетворить свое сексуальное желание, не вводя этого акта в сплетение символических цепочек. Но если это так, не нужно искать для внутреннего человеческого универсума тот абсолютный вещественный центр, который мы ищем для универсума космического, иначе говоря, некоторое предметное последнее «значение», которое само не может обозначать что-то другое. На деле различные стороны человеческого бытия могут взаимно обозначать друг друга таким образом, что нельзя сказать, какой из двух полюсов, А или Б, является обозначающим, а какой подразумеваемым. Это весьма наглядно выявилось между прочим, в контрверзе между Фрейдом и Адлером: последний предложил альтернативную модель, где на место фрейдовской «сексуальности» под всю сумму мыслимой символически представлялась «воля к власти» (Аверинцев).

Роли, символы, эйдосы, идеи. Но человек всегда шире своих идей. «Слишком широк человек, надо бы сузить», — сказал Достоевский.

ЧЕЛОВЕК

ЕСТЬ ТО, ЧТО ОН

ЕСТЬ

Тогор Дичев

ПУТЕШЕСТВИЕ В «ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»

Публикуем фрагмент книги «Чарли Чаплин — экстрасенс?»

Что такое гений? Чудо, загадка или дьявольская сила? Сначала мне казалось, что ответы на эти вопросы достаточно просты и лаконичны. Как философ я дал определение этому понятию: гений — человек, который нашел свое призвание и наиболее полно реализовал свой природный дар и божественный талант. Как дефиниция звучит вроде бы хорошо. Но чего-то существенного не хватало. Ведь гений что-то много большее?! Эта мысль крепко засела в моем мозгу. Она не давала мне покоя. Я потерял аппетит и сон, пока медленно и мучительно не родилась мысль: гений — это еще чудо и мистика.

Никак иначе мы не сможем объяснить многие парадоксы, связанные, например, со знаменитым и непреодоленным гением Чарли Чаплина. Вот только лишь некоторые из них.

Начинается первая мировая война, а у Чаплина готовы уже два фильма о ней: «Эмигрант» и «На плечо». Как без чуда и мистики поймешь такое: рабочие во всем мире бастуют и носят плакаты со словами: «Мы не собаки!», а в это время демонстрируется фильм Чаплина «Собачья жизнь». Заводские конвейеры еще не заработали на полные обороты, а Чаплин — самый популярный человек на свете — уже страдает от них на всех экранах. По его улыбающемуся лицу текут горькие слезы. Он предвидит и оплакивает жертвы технического прогресса. Чарли понимает, что новый, железный «бог Молох» так же, как и его языческий предшественник, станет пить божественный нектар, который будет налит в чаше многих невинных жертв. Неужели это все не показывает, что Чарли — ясновидящий? А следующие случаи...

Фюрер фашистской Германии только начал вторую мировую войну, а Чарли Чаплин уже написал сценарий «Великого диктатора».

Как можно объяснить следующий парадоксальный случай? Чарли входит в казино. Видит в зале три рулетки. Чтобы привлечь внимание посетителей, он довольно громко говорит: «Выиграют цифры 9-4-7!» Наступает полная тишина. Взгляды всех с удивлением и недоверием обращаются к рулеткам. Чарли Чаплин их раскручивает. Выигрывают именно предсказанные им цифры 9-4-7.

Чарли отказывается от чашки воды, поданной ему в кондитерской. Ее выпивает хозяйка. Она умирает. Вода была отравлена стрихнином.

Чарли прибывает в незнакомый ему город Странфорд. Темной ночью он отправляется искать на мрачных улицах дом Шекспира. Спустя некоторое время Чарли зажимает спичку. Она освещает табличку: «Дом Шекспира».

В Гонконге, пожимая руку американскому священнику и чувствуя шероховатость его руки, Чаплин говорит в шутку: «Надеюсь, это не проказа?» Год спустя Чарли Чаплин узнает, что священник умер именно от проказы. Как можно объяснить все это и еще многое другое, не менее загадочное?

Как можно объяснить мистическое и божественное воздействие его картин? Как уберечься от приступов безумного смеха, которые в продолжение десятков лет вызывают картины Чаплина во всех странах и краях света? Смеха, который уже не радует, а угрожает здоровью?

Так что же такое гениальность? Чудо или загадка, мистика или реальность, дар или одухотворенность?

Перевод с болгарского Нины ВРЕДОВОЙ

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
С.Т. АКСАКОВА

СЕМЕЙНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В рукописном отделе Института русской литературы АН СССР, в фонде Аксаковых сохранился объемистый альбом.

На 79 листах этого альбома переписаны стихотворения С.Т. Аксакова и его сыновей Константина, Григория и Ивана, предназначенные для «домашнего» употребления. В большинстве случаев это экспромты, шуточные мадригалы, пародии, стихотворные зарисовки, семейные послания, не создававшиеся для публикации.

Предлагаем подборку стихов С.Т. Аксакова из этого альбома.

Куплеты № 1

Поверьте, больше нет мученья,
Как подмосковную искать;
Досады, скуки и терпенья
Тут много надо испытать.
Здесь садик есть, да мало тени;
Там сад большой, да нет воды;
Прудикшко — лужа по колени,
Дом не годится никуда.

Там есть и рощи для гулянья,
Да нет усадьбы никакой;
Здесь дом хорош, да нет купанья,
Воды ни капли ключевой.
Там развалилось все строенье,
А здесь недавно выпал скот;
Красиво местоположение,
Да Костя кочкой назовет!

Там хорошо живут крестьяне,
Зато дворовых целый полк;
Там лес весь вырублен заранее —
Какой же будет в этом толк?
Там мужики не знают пашни,
А здесь земля нехороша.
Там есть весь обиход домашний,
Да нет дохода ни гроша!

Там есть и летние светлицы,
Фруктовый сад и огород;
Оранжереи и теплицы,
Да только вымер весь народ.
Там есть именье без изъяна,
Уж нет помехи ни одной,
Все хорошо в нем для кармана,
Да — нету рыбы никакой!

1843, август.
деревня Николая Тимофеевича

Куплеты № 2

Вот, наконец, за все терпенье
Судьба вознаградила нас:
Мы, наконец, нашли именье
По вкусу нашему как раз.
Прекрасно местоположение:
Гора над быстрою рекой,
Заслонено от глаз селенье
Зеленой рощею густой.

Там есть и парк, и пропасть тени,
И всякой множество воды,
Там пруд — не лужа по колени,
И дом годится хоть куда.
Вокруг чудесное гулянье,
Родник с водою ключевой,
В пруде, в реке — везде купанье,
И на горе, и под горой.

Не бедно там живут крестьяне;
Дворовых только три души;
Лесок хоть вырублен заранее —
Остались рощи хороши.
Там вечно мужики на пашне,
На Воре нет совсем воров,
Там есть весь обиход домашний
И белых множество грибов.

Разнообразная природа,
Уединенный уголок!
Конечно, много нет дохода,
Да здесь не о доходах толк.
Зато там уженье привольно
Язей, плотвы и окуней,
И раков водится довольно,
Налимов, щук и голавлей.

Москва, 1844 г. дом Голицына
Публикация В.А. Кошелева.

«КАРТ-БЛАНШ» АГЕНТУ ОГПУ

Еще один неопубликованный документ
М. Горького

ДОВЕРЕННОСТЬ

Настоящей доверенностью поручаю Петру Петровичу Крючкову представлять в СССР мои интересы. В соответствии с этим уполномочиваю П.П. Крючкова входить от моего имени во все необходимые по моим делам сношения, как с государственными учреждениями, предприятиями и должностными лицами, так и с кооперативами и частными предприятиями и лицами; получать из всех учреждений, а равно от должностных и частных лиц всякого рода имущество, деньги, документы, обязательства и пр., а также подавать различные заявления, жалобы, прошения и другие бумаги; заключать всякого рода договора и сделки с правом производить денежные расчеты, получать задатки и обязываться неустойкой; кредитоваться в банках под учет векселей; подписывать векселя, равно как и ставить бланки при учете векселей; производить всевозможные кредитные операции, подписывать чеки, получать деньги по чекам и передавать их другим лицам; вести дела во всех судебных и административных учреждениях; предъявлять обвинения, выступать в качестве третьего лица и привлекать к делу третьих лиц, приносить частные и кассационные жалобы, просить об отмене решений, вошедших в силу, просить об обеспечении исков, оканчивать дела миром, избирать посредников для третейского разбора, заключать мировые сделки, словом, пользоваться всеми правами, необходимыми для успешного выполнения возложенных на него обязанностей;

Полномочия эти Петр Петрович Крючков может передоверять другим людям.

Всему, что тов. Крючков по этой доверенности законно учинит, верю и спорить не буду.

Настоящая доверенность выдана сроком до 15 апреля 1930 года. Алексей Максимович Петшков (так в тексте. — А.Е.) — М. Горький. Консульство С.С.С.Р.

Горьковская доверенность оказалась среди других документов в архивном деле с названием «Заявления об открытии текущих счетов во Внешторгбанке СССР (19/VII-1923 — 4/УП-1929)».

Как известно, Крючков был многолетним личным секретарем Алексея Максимовича. Одновременно он являлся приставленным к нему сотрудником ОГПУ. После смерти Горького Крючков был обвинен в его «злодейском умерщвлении» и расстрелян. Что касается точных размеров и судьбы денежных средств на счету писателя, которыми распорядился его личный секретарь-чекист, то это сюжет для специального исследования. Пока же писанная история о том крепко умалчивает. И, думается мне, вряд ли случайно.

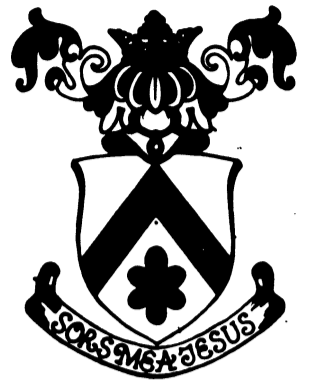
Доверенность Горького, выданная им его личному секретарю, представляет собой своего рода «карт-бланш» в пределах получаемых писателем на территории СССР доходов. А они были огромны.

Кто знает или может проверить, куда и кому именно они пошлИ? Вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, что — хотя бы теоретически — у Крючкова, точнее у ОГПУ, образовывалась идеальная «крыша» для финансирования некоторых своих секретных операций. Разумеется, для их проведения за границей СССР — текущий счет открывался ведь, как помним, именно во Внешторгбанке.

Биография М. Горького лишь начинает приоткрывать нам свои тайны.

А. ЕФИМКИН

ГЕРБ ЛЕРМОНТОВА

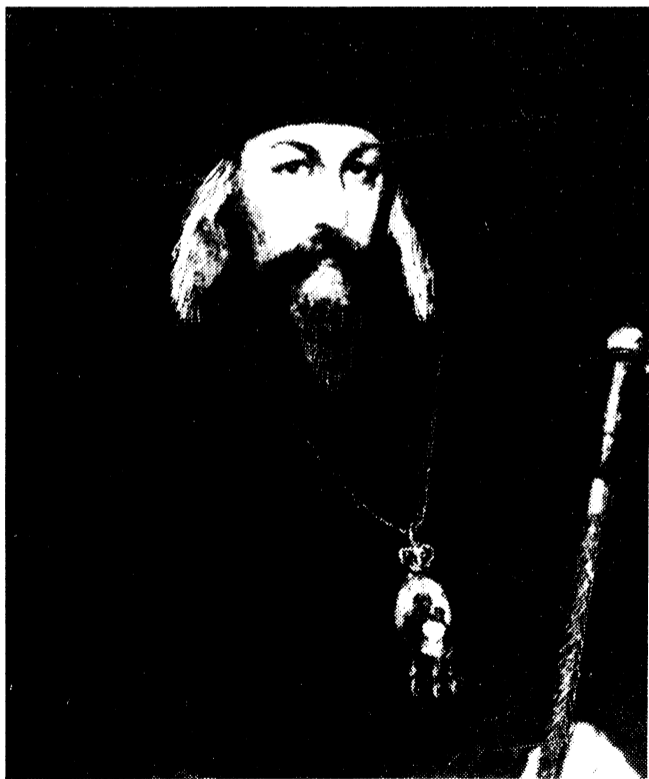
Иногда кажется, что родовой герб великого человека — это лишь безделушка, доставшаяся ему по наследству и с ним лично не связанная. Но нет! Подобно тысяче других дворян, родовитые русские поэты помнили и ценили деловские «знаки славы».

Мы прекрасно знаем, что отношения с небесами у Лермонтова были совсем не гладкими. Но до последнего дня автора «Демона» сопровождал гербовый девиз рода Лермонтовых: SORS MEA JESUS (СУДЬБА МОЯ ИИСУС)...

На рисунке — тот самый «наследственный щит», про который писал в 1831 году Лермонтов, вспоминая о своих шотландских пращурах, Лермотах Дарсийских. Правда, их щит был украшен эмблемой клана — алой розой. В гербе русской ветви рода она превратилась в таинственный траурный шестистилистик. В золотом поле щита черное строило, сопровождаемое снизу шестистилистиком того же цвета и обремененное тремя сквозными ромбами (веретенами) в цвет поля. На стальном с золотыми украшениями шлеме — дворянская корона и червленое (алое) на золотой подкладке ключчатое покрывало, иначе называемое наметом. Так гласит описание герба, которое может, но не должно запутать нас: «строило» и «веретена» — не профессиональные обозначения, а условные фигуры, обозначающие рыцарскую доблесть.

Видимо никто из русских Лермонтовых не хаживал в клетчатых «юбках цветочного клана» и не носил беретов с фамильной розой. Но было главное — взгляд назад, в прошлое; готовность узнать себя в пределе и, будучи тысячу раз русским, называть Шотландию своей.

Михаил Медведев

Русская литература XIX века, получившая всемирное признание, в сознании читателей обычно связывается с именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского, Чехова. Между тем, настоящая картина отечественной словесности обширнее и богаче этого представления о ней. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут от нашей культуры. Речь идет о писателях духовных.

Сочинения святителя Игнатия (Брянчанинова), современника Гоголя, с полным правом причислены были, еще при его жизни, к «писаниям Отцов», изданы и переизданы, и распространены по всей России. Его «Аскетические опыты» были с любовью приняты в лучших и благодатнейших обителях России.

Совість — чувство духа человеческого, тонкое, светлое, различающее добро от зла.

Это чувство яснее различает добро от зла, нежели ум.

Труднее обольстить совесть, нежели ум.

И с обольщенным умом, подкрепляемым грехолюбивою волею, долго борется совесть.

Совість руководствовала человека до Закона письменного. Падшее человечество постепенно усваивало себе неправильный образ мыслей о Боге, о добре и зле: лжеименный разум сообщил свою неправильность совести. Письменный Закон соделался необходимостью для руководства к истинному Богопознанию и к Богоугодной деятельности.

Учение Христово, запечатленное святым крещением, исцеляет совесть от лукавства, которым зарядил ее грех. Возвращенное нам, правильное действие совести поддерживается, возвышается последованием учению Христову.

Здравое состояние и правильное действие совести возможно только в недрах Православной Церкви, потому что всякая приятная неправильная мысль имеет влияние на совесть: уклоняет ее от правильного действия.

Потемняют, притупляют, заглушают, усыпляют совесть — произвольные согрешения.

Всякий грех, не очищенный покаянием, оставляет вредное впечатление на совесть.

Постоянная и произвольная греховная жизнь как бы умерщвляет ее.

Умертвить совесть — невозможно. Она будет сопровождать человека до страшного суда Христова: там обличит ослушника своего. По изъяснению святых Отцов, соперник человека, упоминаемый в Евангелии, — совесть.

Точно: она соперник! потому что сопротивляется всякому противозаконному начинанию нашему.

Сохраняя мир с этим соперником на пути твоём к небу, во время земной жизни, чтоб он не сделался твоим наветником в то время, как будет решаться вечная твоя участь.

Говорит Писание: «Избавит от злых душу свидетель верен». Свидетель верный — непорочная совесть: она избавит душу, внимающую советам ее, от согрешений до наступления смерти и от вечных мук по смерти.

Как лезвие ножа наточивается камнем, так совесть наточивается Христом; она просвещается изучением и изоощряется исполнением евангельских заповедей.

Просвещенная и изоощренная Евангелием совесть подробно и ясно показывает человеку его согрешения — и самые малейшие.

Не делай насилия сопернику — совести! Иначе лишишься духовной свободы: грех пленит тебя и свяжет.

Острые совести очень нежно; его надо хранить и хранить. Хранится оно, когда человек исполняет все требования совести, а нарушение какого-либо требования, по немощи или увлечению, омывает слезами покаяния.

Не думай ни о каком грехе, что он маловажен: всякий грех есть

нарушение Закона Божия, противодействие воле Божией, попрание совести.

От безделья, от ничтожных, по-видимому, согрешений переходим постепенно к великим грехопадениям.

Что значит это? — велик ли этот грех — что это за грех? — это не грех! — так рассуждает небрежущий о спасении своем, когда он решаете вкусить запретной греховной снеди. Основываясь на таком неосновательнейшем суждении, он непрестанно попирает совесть.

Острые ее притупляются, свет ее тускнеет; в душе разливаются мрак и хлад небрежения и нечувствия.

Нечувствие соделывается наконец обыкновенным состоянием души. Часто бывает она удовлетворенною им; часто признает его состояние угодным Богу, спокойствием совести, а оно — утрата ощущения своей греховности, утрата ощущения благодатной, духовной жизни, усыпление и слепота совести.

При таком состоянии, при страшном омрачении и нечувствии, различные грехи свободно входят в душу, устраивают в ней логовище для себя. Грехи, закостеневая в душе, обращаются в навыки, столько же сильные, как природа, а иногда более сильные, нежели природа. Греховные навыки называются страстями. Человек не замечает того, — а он приметным образом окован отсюду грехом, в плену у него, в рабстве.

Кто, пренебрегая постоянно напоминаниями совести, допустил себе власть в рабство греха: тот только с величайшим трудом, при содействии особенной помощи Божией, возмозет расторгнуть цепи этого рабства, победить страсти, обратившись как бы в природное свойство.

Возлюбленнейший брат! со всевозможным вниманием и тщанием храни совесть.

Храни совесть по отношению к Богу: исполняй все повеления Божии, как видимые всем, так и никому невидимые, видимые и ведомые только одному Богу и твоей совести.

Храни совесть по отношению к ближнему: не довольствуйся одною благовидностью твоего поведения к ближнему! ищи от себя, чтоб самая совесть твоя удовлетворялась этим поведением. Она будет тогда удовлетворяться, когда не только дела, но и сердце твоё будут поставлены в отношении к ближнему, заповеданное Евангелием.

Храни совесть к вещам, удаляясь излишества, роскоши, небрежения Божии, дары Божии человеку.

Храни совесть к самому себе. Не забывай, что ты — образ и подобие Бога, что ты обязан представить этот образ в чистоте и святости Самому Богу.

Горе, горе! если Господь не узнает Своего образа, не найдет в нем никакого сходства с Собою. Он произнесет грозный приговор: «Не вем вас».

Бесконечная радость обьет ту душу, на которую, возрев Господь, признает в ней сходство с Собою, увидит в ней ту красоту, которую Он, усвоил ей при сотворении, которую повелел соблюдать в непорочной целости удалением от всякого греха.

Неумолкающий, неличеприятный блоститель и напоминатель такого удаления и хранения — совесть. Аминь.

Издательское объединение «Культура» продолжает подписку на книги первой серии издания
«ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ»

на «ЗОЛОТУЮ БИБЛИОТЕКУ»
(24 произведения в шести книгах)

Выпуская книги этой серии, издательство поставило перед собой задачу познакомить юного читателя с лучшими образцами отечественной и зарубежной детской литературы.

Ч. Киртон «Мои веселые друзья»	Х. Вальверду «Где ты был, Робельон»
М. Арджилли, Г. Парка «Приключения Гвоздика»	
И. Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться»	
Л. Карье «Тайны Альтамары»	Е. Данько «Деревянные актеры»
Г. Пройслер «Маленькая Баба-Яга»	П. Берна «Лошадь без головы»
М. Халаша «И вдруг раздался звонок»	

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ
«Три мушкетера»

Александра Дюма

На хорошей бумаге
с прекрасными иллюстрациями
в переплете с тиснением
наша книга займет
достойное место
на Ваших книжных полках.

Героев этой книги - Барона Мюнхаузена и капитана Врунгеля - любят и дети, и взрослые.

Их рассказы о своих невероятных приключениях и составили «Самую правдивую книгу».

Оформление подписки для частных лиц по адресу:
141200 г. Пушкино Московской области,
Московский пр-т, магазин «Детский мир»,
книжный отдел Издательского объединения
«Культура».

По поводу оптовых закупок тиражей обращаться по адресу:

141200 г. Пушкино Московской области,
ул. Некрасова, д. 5, телефон 584-37-42.

Учредитель: издательское объединение
«КУЛЬТУРА»
Адрес редакции:
141200, г. Пушкино, ул. Некрасова, 5.
Тел 584-37-42, 3-27-06.

Мытищинская межрайонная типография.

Заказ 5295.
Тираж 2500.
Печать офсетная.
Объем 2 печ. л.